то найду дорогу и назад. Поезжайте теперь обратно в Смоленск и ожидайте меня там. Может быть, еще и дойдет дело до переговоров. Я не теряю надежды. Скоро вы об этом услышите. Прощайте. Мы расстаемся по-прежнему друзьями.

Леонид тронут был до слез словами Наполеона, ожидав по справедливости ужасных следствий его гнева; он видел, что и в минуту самого исступления необыкновенный этот человек умел укрощать свою ярость и чувствовал истину слов, его оскорбляющих. С почтением поцеловал Леонид протянутую ему Наполеоном руку и удалился.

Два брата, или Москва в 1812 году

Более двух часов проездили они и уже за полдень явились в Петровский дворец. Французская гвардия стояла около него на биваках. Карету везде останавливали и опрашивали. Достигнув приемной комнаты, пустынник был встречен любопытными вопросами генералов и адъютантов Наполеона. Они при первом взгляде на него вообразили, что он привез им предложение о мире. С трудом разуверил их провожатый пустынника, и дежурный адъютант пошел доложить императору о его приезде. Через несколько минут их обоих позвали.

В одной из зал Петровского дворца, наскоро устроенной для временного пребывания Наполеона, стоял этот победитель народов у камина и диктовал разные приказания Дюроку и Бертье, сидевшим за большим столом, заваленным бумагами и планами. Лицо его было смугло и угрюмо, руки были закинуты на спину; — величайшая тишина царствовала в комнате. При входе пустынника он быстро и внимательно осмотрел его, и этот взгляд, суровый, проницательный, неотразимый, произвел над ним какое-то безотчетное действие страха и почтения. Входя в залу, он с жадностью хотел всмотреться в этого знаменитого человека, но вдруг принужден был потупить взоры.

— Кто вы? — сурово спросил у него Наполеон и, сам же отвечая на свой вопрос, продолжал: — Монах! Какого ордена?

— У нас нет никакого различия между монахами, ваше величество, потому что права и правила равны для всех.

— И это хорошо! Папа тоже должен бы был уничтожить все эти различия орденов... Вы — аббат, настоятель, епископ?

— Я простой монах.

— Зачем вы остались в Москве, и зачем вся Москва выехала?

— Я остался потому, что настоятель наш болен и никто из братии не хотел его оставить. Почему же все уехали... я не могу об этом знать... Собственно ли это решимость жителей, или распоряжение правительства...

— В обоих случаях этот поступок, достойный самых варварских времен. Вы в древние времена скрывались от монголов, крымцев, литовцев. Это было натурально!.. Но в XIX веке, и перед самою просвещенною нациею, это глупо, дико! Это ни на что не похоже...

— Сколько я слышал в своей обители, то Россия испытала теперь те же бедствия, какие были во времена прежних нашествий.

Наполеон вспыхнул. Он уже и прежде был в самом дурном расположении, а теперь гнев его достиг высочайшей степени.

— Но кто же в этом виноват? — вскричал он, подошел к пустыннику и вперил в него пылающие свои глаза.— Ваш народ, ваше духовенство. Вместо того, чтоб внушить черни порядок и повиновение, вы подстрекаете ее к убийствам, к зажигательству. Взгляните, сударь! Вот плоды ваших наставлений, вашего фанатизма!

При этом слове он схватил пустынника за руку, подвел его к окну и указал на пылающую Москву.

— Да, сударь! Это *ваше* дело! — продолжал он с величайшим гневом.— На вашу голову падут проклятия тысячей. История покроет вас вечным пятном... Что это? Не в силах будучи защищать своих городов и сел, вы их малодушно зажигаете, и сами бежите в леса! Прекрасное просвещение, удивительный патриотизм! Труды целых веков, богатства многих поколений, памятники искусства, древности — все это предано пламени! А на что? Что вы мне через это сделаете? Разве я не могу двинуться в Калугу, Тулу, Владимир? Ваша армия, верно, не помешает мне. Она не умела защитить и Москвы... На что же эта бессильная злость, это варварство, достойное готов и вандалов!..

Он остановился. Видно было, что, предавшись всему порыву своего гнева, он вдруг вспомнил о величии своего сана и безвинности стоявшего перед ним человека. В это время пустынник, который недавно не мог вынести его взгляда, мало-помалу ободрился, и когда надобно бы было полагать, что выражение гнева Наполеона приведет его в совершенное замешательство, он, напротив, вдруг одушевился, слыша несправедливые обвинения и укоризны русскому народу.

— Ваше величество! — сказал он с важностью и твердым взглядом.— Я простой монах, но я русский и смею сказать вам, что вы несправедливы. Никогда еще Россия не показывала столько геройства, единодушия и преданности к царю. Народ наш видит нашествие врага, предводящего силами всей Европы и решился умереть или победить. В сожжении Москвы и в самовольных пожарах деревень вы видите

поступок варварства; мы видим в нем величайшее самоотвержение и решимость. Мы отступим до Урала, превратив все в пустыню, но не покоримся чужеземному игу. Вы привели сюда всю вооруженную Европу, и армия наша была слаба, чтоб противостоять вам; но, победив войско, вы никогда не победите народа, который решился пожертвовать всем, чтоб сохранить свою независимость и достоинство. Завладев Москвою, вы думали предписать законы России и великому ее монарху, но русский народ сожжением Москвы доказывает всем, что сила России не в стенах Кремля и не в громаде зданий... Сила наша в Боге и твердой воле, в преданности к государю и в любви к отечеству. Их вы не в состоянии победить.

Он замолчал. Наполеон с изумлением смотрел в прекрасное и одушевленное лицо старца, так смело презиравшего гнев его. Все, окружавшие Наполеона, ожидали ужаснейших следствий его вспыльчивости; напротив, он вдруг сделался тих и даже ласков.

— Вы очень смелы, г. монах,— сказал он ему и дружески положил ему руку свою на плечо.— Но я извиняю вашу ревность. Я люблю видеть людей, искренно преданных своему государю и отечеству. Только вы смотрите на вещи с ложной точки зрения... Можно быть патриотом, но не должно быть фанатиком... Первое чувство производит героев, второе порождает равальяков. Вы знаете ли, что ваши зажигатели хотели было в нынешнюю ночь завести меня в лабиринт огня.

— Знаю, ваше величество.

— Как знаете? — вскричал Наполеон и почти отскочил от него.— Почему вы знаете? Кто вам сказал?

— Кажется, моя обитель осталась одна, в которой православные могут слышать божественную службу. Каждый день толпы оставшихся московских жителей приходят к нам молиться и рассказывают об ужасах, совершающихся в несчастной столице.

— Что ж вам рассказывали о сегодняшней ночи? — спросил Наполеон и устремил на пустынника проницательный и беспокойный взор.

— Мне говорили, что пожар, усиленный ужасным вихрем, охватил все улицы около Кремля, что вы принуждены были оставить его и что один из жителей, взявшихся проводить вас, завел в глухой переулок, из которого не было выхода и в котором вы были в большой опасности.

— И вы, сударь, одобрили, благословили этот замысел? — грозно вскричал Наполеон.

— Я молился за душу погибшего и это был мой долг. Когда законы осуждают величайших преступников, судьи допускают к осужденному священников, чтоб принять его раскаяние и спасти душу.

— Так этот злодей точно погиб?

— Он сгорел в том самом пламени, в которое вел он вашу свиту и вас.

— Достойный конец фанатика!.. Послушайте, однако... к вам эти люди ходят, рассказывают... может быть даже советуются. Я очень уважаю ваше звание, но никогда не щажу заговорщиков и фанатиков... И если вы для подобной цели остались в Москве...

— Ваше Величество! Я не заслуживаю этого оскорбления... Прежде моего духовного звания я был русский дворянин и даже старый солдат.

— В самом деле! — весело сказал Наполеон и, с доверенностью подойдя к нему, взял его за рясу.— Зачем же вы променяли самое благородное звание на бесполезное?

— Это будет слишком долго рассказывать, ваше величество. Есть в жизни обстоятельства, в которых мы становимся чуждыми для всего мира, и тогда один Бог, уединение и молитва остаются нашим прибежищем... Но смею сказать, что вы слишком неблагосклонно судите о моем теперешнем звании. Из истории вы, верно, знаете очень много примеров, что из нашего звания были самые добродетельные и полезные люди... А в нашем отечестве эти примеры на каждой странице народного бытописания.

— Да! знаю и очень уважаю дух вашего духовенства. У нас на Западе оно было причиною вековых кровопролитий и народных распрей. У вас оно, напротив, всегда было послушно властям и никогда не мешалось в политику... Это всего лучше... А где ваш монастырь? Покажите мне на плане Москвы...

Он подвел его к столу, на котором разложен был план столицы, утыканный разноцветными булавками, означавшими расположение французских войск. Пустынник указал.

— У вас стоят 28-я и 29-я батареи... Довольны ли вы постояльцами? Не было ли каких обид?

— Права войны извиняют многое, и мы не жалуемся, ваше величество. Но если бы можно было оказать нам милость и вывести из монастыря солдат... Настоятель мне поручил просить об этом ваше величество...

— Теперь это невозможно. Напротив, я еще более помещу туда. Пожар лишил войско всех способов размещений. Я не виноват, я должен беречь солдат.

— Так по крайней мере, позвольте нам беспрепятственно молиться и отправлять божественную службу; мы будем довольны.

— Можете! Я не только не мешаю вам, но очень сожалею, что большая часть ваших собратий оставила Москву. Если б они остались, то чернь не осмелилась бы зажигать и злодействовать... И теперь, так как вы почти одни, то советую вашему настоятелю и вам употребить все ваше духовное красноречие и влияние, чтоб остановить это варварство, которое ни к чему не ведет. Исполните ли вы это?

— Вероятно, наши советы не имели бы никакого влияния и прежде на решимость народа... Теперь же, ваше величество, взгляните на Москву... Кажется, всякие советы уже поздны...

Досада видимо вспыхнула опять на лице Наполеона. Он начал с беспокойством ходить по зале. Наконец, какая-то мысль снова прояснила пасмурное чело его. Он подошел к пустыннику и ласково спросил его:

— Есть ли у вас родственники или знакомые при дворе Александра?

— Нет, ваше величество! Я оставил мирское общество еще до вступления на престол нынешнего императора.

— Знаете ли вы, куда отступила ваша армия?

— Нет, ваше величество! Я не мешаюсь в политические дела.

— И в армии у вас нет родственников и знакомых?

— Может быть, и есть, но я не имею с ними никаких сношений.

— Желаете ли вы добра своему отечеству?

— Я русский.

— Думаете ли вы, что хороший и выгодный мир со мною будет полезен для России.

— Война — бич Божий, а мир благодеяние для народов.

— Вы правы! Я с самых молодых лет вел войну, но никогда не любил ее. Меня всякий раз принуждали обнажать меч. Все континентальные войны Европы делались в угождение англичанам. Теперешняя война тоже. Она совершенно противна выгодам России. Я и не думал начинать ее. Какой-то фатализм увлек меня и Александра. Он был моим искренним другом. Еще недавно в Эрфурте мы жили, как родные братья. Я уверен, что он и теперь любит меня так же, как я его... Но кабинетные интриги разлучили нас. Мы начали войну, войну ужасную. Признаюсь, я никогда подобной не видал... Я всегда уважал русскую армию. Она славно дралась под Аустерлицем, но я разбил ее. Она еще сильнее оспаривала у меня победу при Эйлау, но опять была побеждена под Фридландом. Теперь я вошел в Россию с четырехсоттысячною армиею. У Смоленска, у Можайска русские опять дрались хорошо, но опять были побеждены. Только с этой минуты война приняла самый печальный оборот, самый неестественный ход. Вместо того, чтоб военный и политический вопрос решить на поле битвы, против меня вооружают чернь, пожары и опустошение. Я повторяю, что это варварство. Это совершенно разорит, испепелит Россию. Я этого не хочу. Я не враг ни народу ни царю вашему. И тот и другой заслуживают полное уважение. Вы должны занимать высокое место в системе европейских держав. Это было мое всегдашнее мнение. Пора окончить кровопролитие. Мы довольно пролили крови. Я возьму Тулу, и Россия будет обезоружена. Но повторяю вам, что искренно желаю мира, мира прочного, полезного, выгодного для обеих наций. Ваш император,

вероятно, то же чувствует, верно, то же желает. Но, может быть, самолюбие запрещает ему сделать первый шаг. Он не хочет, чтоб потомство сказало, что он просил мира. Пожалуй! Не так самолюбив и готов первый сделать это предложение... Только дипломатические средства всегда очень медленны... мне бы хотелось все это сделать проще, скорее... Не хотите ли вы взяться за это? Вы себе открыли бы самую приятную страницу в народной истории и право на благодарность отечества. Вы бы могли ехать в Петербург к своему императору и пересказать ему наш теперешний разговор. Он, может быть, не знает всех несчастий Москвы. Опишите их ему. Бедствия народа тронут его сердце. Он добр и великодушен. Скажите ему, что я готов на всякие пожертвования, чтоб окончить эту чудовищную войну... Пожалуй, я оставлю Москву, отойду к Вязьме... Мы заключим перемирие... и займемся условиями прочного и полезного мира... Что? Как вы думаете? Хотите ли вы участвовать в таком прекрасном деле?

Наполеон замолчал и обратил испытующий взор на пустынника, который, опустя глаза, как будто колебался и придумывал ответ. Вдруг он поднял взоры свои, взглянул на пылающую Москву, покачал головою и с твердостью отвечал:

— Как бы я счастлив был, ваше величество, если б когда-нибудь мог оказать отечеству моему подобную услугу... Но я не смею оставить своей обители, а еще менее смею мешаться в столь важное поручение... Могу ли я, простой служитель алтаря, знать намерения моего монарха? Не заслужу ль я справедливого негодования его, когда явлюсь перед лицом его с таким неожиданным предложением. Вы сказали, государь, что война приняла самый неблагоприятный вид... И что же теперь остановит ее, кроме совершенного изгнания врагов? Народная война иначе не может окончиться... Взгляните на Москву и судите, какие пожертвования могут вознаградить России эту потерю? Мир уврачует, конечно, ее раны, но этот мир должен быть приличен России и твердости ее великодушного монарха. Могу ли же я, слабый, ничтожный человек, вмешиваться в столь великие вопросы? Усердие может ослепить меня. Я теперь думаю, что мир был бы значителен для России.— А кто знает, не обременит ли потомство проклятием память того, кто теперь осмелится говорить о мире при виде пылающей Москвы? Нет, ваше величество! Избавьте меня от подобного поручения. Оставьте меня в моей обители молить Бога за моего государя, за верный народ его и православную церковь. У вас столько есть средств к сношениям... Употребите их... Я не смею принимать на себя подобного поручения...

Наполеон грозно взглянул на него и пожал плечами. Пустынник замолчал.

— Фанатики! фанатики! — проворчал Наполеон сквозь зубы и отошел к камину.

— Если угодно вашему величеству,— прибавил пустынник,— то я начальству донесу об этом разговоре, и если оно найдет приличным довести о нем до сведения государя императора...

— Не беспокойтесь! Не надобно! — холодно отвечал Наполеон.— Пусть война продолжается. Я, верно, не боюсь войны. Я умываю свои руки... Бедствие народов не на моей будет совести. Прощайте, г. монах. Вы можете ехать домой. Г. полковник (он обратился к провожатому пустынника)! Отвезите хозяина... К вам присоединятся сегодня еще две батареи... В Москве стоять негде... Прошу вас беречь людей и лошадей. Г. настоятеля и братию его не беспокойте в исправлении религиозных дел... Но прекратите всякое сношение между ним и московскими жителями. Молиться они могут ходить, но разговоров не нужно. Если же что заметите, то поступайте по всей строгости законов. Прощайте.

Полковник поклонился и дал знак пустыннику за ним следовать. Тот повиновался, поклоняясь Наполеону.